

ГААГА: 110 ЛЕТ СПУСТЯ

Юрий Саямов

В ЧИСЛЕ юбилейных дат 2017 года отнюдь не самой значительной и заметной предстает 110-я годовщина Второй Гаагской конференции мира, отношение к которой было и остается несколько неоднозначным. В нашей стране после Октябрьской революции 1917 года, случившейся через десять лет после конференции, она рассматривалась в ряду внешнеполитических инициатив павшего царского правительства, в отношении которого еще долго не принято было говорить что-либо положительное.

Однако конференция заняла свое место в истории дипломатии и международных отношений, и солидная годовщина дает повод к тому, чтобы осмыслить заново ее результаты в современном контексте с достаточного для объективности оценок временного удаления.

Для этого необходимо отмотать ленту истории еще на восемь лет назад и обратиться к обстоятельствам созыва и проведения Первой Гаагской мирной конференции в 1899 году. Известно, что ее созыв был внешнеполитической инициативой России, с

Юрий Саямов - заведующий кафедрой ЮНЕСКО МГУ им. М.В.Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках исследования «Междунородные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму», проект РГНФ №15-07-00001 (2015-2017).

которой 29 августа 1898 года выступил лично глава Российского государства император Николай II, несколько удивив своим предложением других монархов и правителей того времени.

Инициатива русского царя, названная государственным пацифизмом, тем не менее была поддержана основными государствами. За девять месяцев конференцию удалось подготовить, и 18 мая 1899 года в 31-й день рождения российского императора она торжественно открылась в Гааге.

Нидерланды и город Гаага были выбраны для проведения конференции с учетом активной поддержки, которую оказывала инициативе Николая II правительница страны 19-летняя королева Вильгельмина. Накануне открытия конференции, 24 апреля 1899 года, российский монарх пожаловал ее Большим крестом ордена Святой великомученицы Екатерины - высшей женской наградой Российской империи.

Наряду с благожелательным отношением королевы в вопросе выбора места для проведения конференции немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что Нидерланды в преддверии нового столетия позиционировали себя как государство, занимающее скорее нейтральную позицию во внешнеполитических хитросплетениях того времени, чем склонное примкнуть к тому или иному блоку.

Первая международная мирная конференция в Гааге, которую называли также Гаагской конференцией разоружения, завершила свою работу 29 июля 1899 года, оставив потомкам на память коллективную фотографию серьезных мужчин в цилиндрах. Два с половиной месяца заседаний и дебатов в королевском Лесном дворце, сфокусировавших внимание мировой политики на проблематике разоружения, сделали конференцию в последний год уходящего века одним из его самых значимых событий. По существу, был совершен беспрецедентный шаг к практике урегулирования мирным путем споров и конфликтов между государствами, открыт международный диалог в области разоружения, продолженный на Второй Гаагской конференции 15 июня - 18 октября 1907 года.

Российская делегация на Гаагской конференции 1899 года

С проведением Гаагских конференций, которые называли первым парламентом мира, дипломатия становится глобальной. Если в первой конференции участвовали 27 государств, в том числе шесть неевропейских, которыми стали США, Мексика, Персия, Китай, Сиам (Таиланд) и Япония, то на второй конференции к ним прибавились еще 17 государств Латинской Америки, увеличив общее число участников до 44.

Причины неожиданной для многих государств и правителей мирной инициативы России и ее последующей реализации в виде созыва и проведения исторических Гаагских конференций следует искать в международной политической и военной обстановке того времени. Они кроются в положении и действиях Российской империи и других ведущих держав в условиях нараставшей угрозы крупного конфликта в связи с новым переделом мира. На международную политическую арену вышли и стремились отхватить свой кусок уже поделенного

мирового пирога молодые агрессивные державы - Германия, Италия, Япония. В период между Гаагскими конференциями показала свои зубы Япония, причинив могучей Российской империи постыдное поражение в Русско-японской войне 1904-1905 годов.

Покидали свою добровольную изоляцию и все активнее вмешивались в международные дела Соединенные Штаты Америки. Констелляцию государств во многом определял русско-французский альянс, который базировался на конвенции, заключенной между двумя странами в 1892 году при императоре Александре III. С вступлением на российский престол Николая II Германия попыталась вернуть Россию к былым союзным отношениям, но новый правитель предпочел продолжить союз с Францией, который он рассматривал в долгосрочной перспективе как основу прочного мира в Европе. Союз с Россией был важен и для Франции, которая балансируя на грани войны с Англией за влияние на Ближнем Востоке. Международная обстановка все более осложнялась. Мир шел к большой войне.

В этих условиях Россия оказалась единственным государством, которое выступило против нараставшей военной угрозы. По мнению одного из организаторов и участников Гаагских конференций известного российского юриста и дипломата Ф.Ф.Мартенса, мирная инициатива России преследовала две цели. Первая из них предполагала путем миролюбивого обсуждения международных споров и условий ограничения вооружений предупредить войну. Вторая была направлена на достижение договоренностей на случай возникновения войны, с тем чтобы ее ведение осуществлялось в установленных международными соглашениями рамках наибольшей гуманности и наименьших потерь для участвующих народов¹.

Нельзя сказать, что российская мирная инициатива была с восторгом встречена основными державами, опасавшимися, что она нарушит их планы перевооружения армий современными видами оружия и, возможно, затронет спорные территориальные и иные вопросы. Англия воспринимала российскую инициативу

как претензию Российской империи на главную роль в постановке и решении вопросов европейской и мировой политики. Германия скептически оценивала возможности практической реализации российских предложений. Союзная Франция настороженно относилась к идеям разоружения и запретов новых видов оружия в связи с развернутым перевооружением французской армии новой скорострельной пушкой.

В то же время Австро-Венгрия, Италия и другие государства, испытывавшие финансовые затруднения в контексте развернувшейся гонки вооружений и пытавшиеся избежать ее нового витка, приветствовали российскую инициативу. Левая печать на Западе обвиняла Россию в том, что она, продолжая проводить агрессивную политику, выдвигает мирные предложения, чтобы предстать в миролюбивом свете, усыпить бдительность соперников и склонить на свою сторону общественное мнение.

Такую точку зрения высказывал, в частности, известный социал-демократ Карл Каутский в своей статье «Демократическое и реакционное разоружение», опубликованной в газете «Нойе цайт»². Газеты консервативного и либерального толка, напротив, поддерживали российскую инициативу как миролюбивый почин, не выражая, впрочем, особых надежд на его реализацию.

В то же время ни одна держава не решилась открыто выступить против российских предложений на фоне общей озабоченности нараставшей угрозой большой войны и пацифистских настроений мировой общественности. Но в ходе дипломатической переписки, остающейся отчасти до сих пор не опубликованной, сложных переговоров и конференционного процесса заявленные изначально программные приоритеты претерпели существенные изменения, эволюционируя от вопросов сокращения вооружений и военных сил на суше и море к проблемам предотвращения войн и мирного разрешения международных конфликтов.

Гаагские конференции в результате не ознаменовались реальным продвижением в том, что касалось сокращения вооружений и

военных бюджетов или хотя бы их фиксирования на достигнутом уровне, ограничившись лишь пожеланиями этого, которые никто из участников не поспешил выполнять. Однако принятые в Гааге международные конвенции стали первой в истории общей кодификацией законов и обычаев войны на основе международного права и заложили фундамент мирного разрешения конфликтов между государствами. Решениями Гаагских конференций было фактически признано основополагающее значение российской мирной инициативы и отмечена ее плодотворность.

До Гаагских конференций международное право преимущественно являлось правом войны. Государство, выступая стороной в конфликте, могло отказаться от его мирного урегулирования и в соответствии с так называемым «правом на войну» (*jus ad bellum*) решить спор вооруженной силой. Значение Гаагских конвенций состоит в том, что они впервые создали систему международно-правовых средств мирного разрешения споров между государствами. Эта система в основном действует и поныне, не претерпев в принципе существенных изменений. Чтобы создать ее, в Гааге потребовалось обобщить и кодифицировать имеющиеся инструменты мирного урегулирования и практику их применения. Гаагские конвенции стали первой попыткой на мировом уровне ограничить право на войну и закрепить в международном праве принцип мирного разрешения международных споров.

В итоге работы Второй Гаагской конференции были пересмотрены три конвенции предыдущего Гаагского форума 1899 года и приняты десять новых конвенций относительно законов и обычаев войны, а также декларация и семь резолюций. В числе принятых конвенций восемь относились к международному морскому праву, которое до конференции почти не было регламентировано.

Принятые документы, которые известны в современном международном праве и истории международных отношений как Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов, охватывали широкий круг вопросов, включая мирное разрешение международных споров,

Делегаты Гаагской конференции 1899 года

ограничение в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, порядок открытия военных действий, законы и обычай сухопутной и морской войны, правила нейтралитета в сухопутной и морской войне, запрещение использовать яды, оружие, снаряды и вещества, способные причинить излишнее страдания. В настоящее время Гаагские конвенции являются действующими международно-правовыми актами, признанными большинством государств мира, за исключением не получившей поддержки конвенции об учреждении так называемого международного призового суда.

Россия председательствовала на Гаагских конференциях. На первой конференции ее представлял посол России в Лондоне барон Е.Е. фон Сталь, на второй - посол России в Париже А.И.Нелидов. В секретной инструкции главе российской делегации А.И.Нелидову министр иностранных дел А.П.Извольский писал: «Созыв Второй Конференции Мира по высочайшей воле государя императора был вдохновлен тем убеждением, что русское правительство, которому принадлежал общий почин в деле пропаганды идей международного мира, не должно выпускать из своих рук дальнейшего его направления». Интересы родины «требуют, чтобы созванная по почину императорского правительства Конференция кончилась успешно и чтобы решения, к

которым она приведет, соответствовали пользам России, не налагая на нее никаких обязательств, могучих стеснить ее будущее развитие, и давая вместе с тем возможность пользоваться благами международного правопорядка». В инструкции были даны общие директивы по четырем группам вопросов, предложенным на рассмотрение конференции. В заключение инструкции министр особо отметил, что «после войны 1904-1905 годов России в первый раз приходится выступать здесь в вопросах мирового интереса в руководящей и ответственной роли»³.

Как и предусматривала разработанная и предложенная Россией программа конференции, вопросы, подлежащие обсуждению, были сформированы в четыре тематические группы и рассматривались соответственно в четырех комиссиях. Доклады комиссий и подготовленные в них проекты решений выносились на пленарные заседания конференции, которые проходили в историческом Рыцарском зале, в котором обычно торжественно открывались сессии голландского Парламента. Четвертую, «морскую» комиссию возглавлял Ф.Ф.Мартенс, имевший опыт организации и проведения Первой Гаагской конференции, на которой он разрабатывал принципы мирного разрешения международных споров.

Во многом исходя из наработок первой конференции была сформирована и принята основополагающая *Конвенция о мирном разрешении международных столкновений*. Она открыла исключительно важный процесс нормативного наполнения принципа мирного разрешения международных споров, который сегодня является одним из базовых принципов современных международных отношений и международного права. Конвенция ограничивала государства в использовании права на войну, но, оставаясь в пределах реальности, не могла полностью исключить ее из инструментария решения международных споров.

Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам имела своей целью не допустить нападения на страны под предлогом истребования их внешней задолженности, как это произошло с Мексикой,

к которой в 1861 году страны-кредиторы применили военную силу, а Наполеон III попытался осуществить ее колониальный захват.

По инициативе и настоянию России, подвергшейся недавнему внезапному нападению Японии без предупреждения и объявления войны, была принята *Конвенция об открытии военных действий*, согласно которой они не должны были начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения. Предупреждение о начале военных действий могло иметь объяснение причин или носить характер ультиматума.

Большое практическое значение в ходе предстоящих войн обрела *Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны*. Она утвердила важнейшие принципы ведения военных действий: разграничение комбатантов и некомбатантов, то есть лиц, участвующих и не участвующих в боевых действиях; право населения на вооруженное сопротивление; права военнопленных с подробной регламентацией; запрет использовать оружие и вещества, причиняющие излишние страдания; запрет уничтожать и захватывать собственность неприятеля, если это не вызывается военной необходимостью; запрет убивать сдавшихся в плен и объявлять, что никому не будет пощады; запрет грабежей и конфискаций частного имущества, требование принимать все возможные меры к защите и сохранению памятников культуры и медицинских учреждений.

В ходе последовавших двух мировых войн эта конвенция во многих случаях помогла предотвратить излишнюю жестокость, хотя применялась не всегда и не полностью и всеобъемлющей не являлась. В развитие ее положений после Второй мировой войны были приняты: Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года; Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года и Четвертая Женевская конвенция 1949 года в отношении международно-правовой защиты гражданского населения и культурных ценностей.

Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны запрещала проводить войска

воюющих государств через территории нейтральных стран, создавать на этих территориях сооружения, предназначенные для вооруженных действий, и пользоваться ими. Нейтральные государства обязывались соблюдать равное отношение ко всем участникам конфликта. При этом отражение нейтральной державой даже вооруженной силой покушений на ее нейтралитет не квалифицировалось как враждебное действие.

Гарантии безопасности в отношении торговых судов, застигнутых войной в портах противника, создавала *Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий*. Торговые суда, задержанные в портах или море, не подлежали конфискации и после войны должны были быть возвращены владельцу.

Конвенция об обращении торговых судов в суда военные устанавливала требования, при выполнении которых гражданское судно могло быть обращено в военное и наделено правами и обязанностями последнего. Эта конвенция была и остается важной для того, чтобы отличить пиратские и другие незаконные военные суда и применить к ним иной правовой режим.

Характеристики и порядок применения различного рода морских взрывных устройств содержала *Конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин*, которую настойчиво проводили представители Великобритании, добиваясь ее принятия сроком на семь лет, но Россия и Германия от нее отказались.

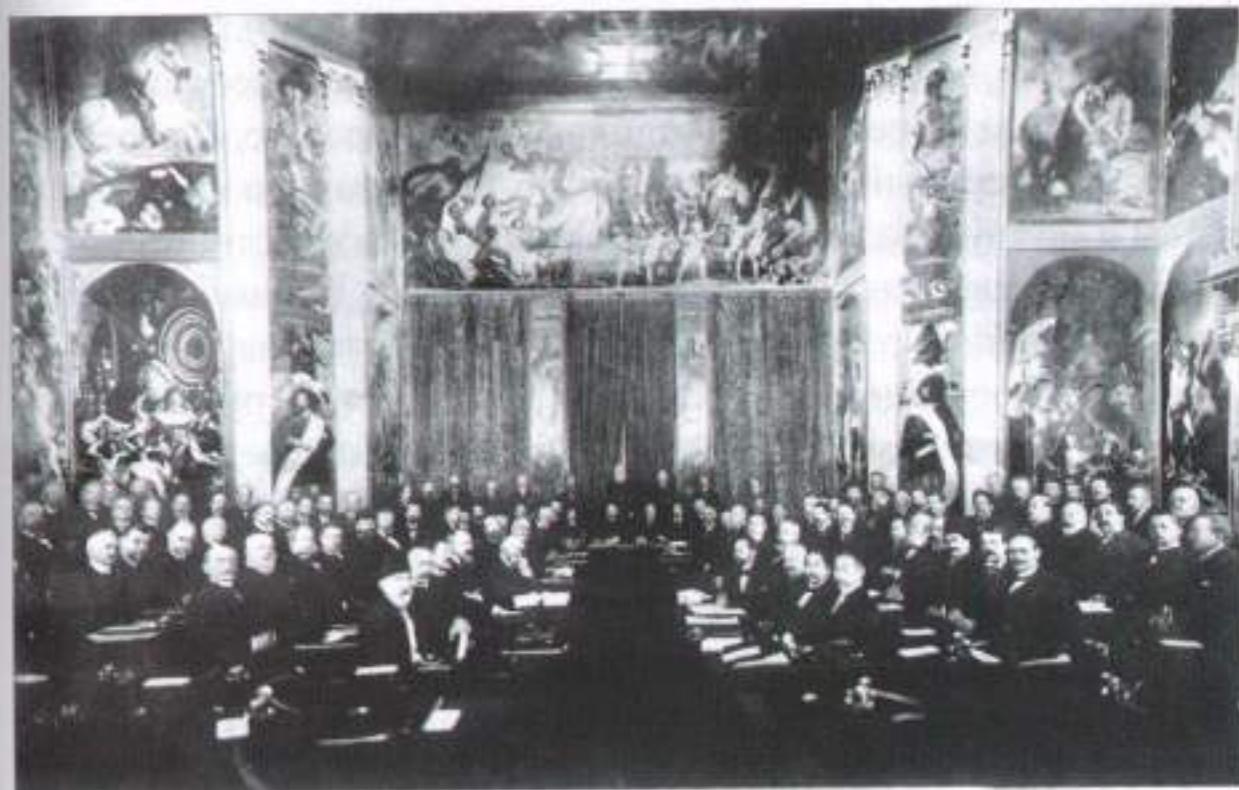
Конвенция о бомбардировке морскими силами во время войны запрещала бомбардировать морскими силами незащищенные порты, города, селения, жилища и отдельные строения, однако этот запрет не распространялся на военные укрепления, учреждения, склады оружия и др., которые могли использоваться неприятелем для нужд армии и флота, и военные суда, находившиеся в порту.

Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года способствовала улучшению положения раненых в ходе военно-морских операций.

Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне устанавливала неприкосновенность почтовой корреспонденции на море и предусматривала освобождение от захвата рыбачьих судов, а также освобождение от плена экипажей неприятельских торговых судов.

Конвенция об учреждении Международного призового суда была единственной, которая полностью осталась на бумаге. Государствам - участникам конференции так и не удалось достичь единства в этом вопросе, и суд так никогда и не был создан.

Из всех международных морских актов, составленных в Гааге, наиболее существенное значение для русского флота имела *Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны*, которая определяла положение военных судов воюющих держав в портах нейтральных держав. В этом отношении Россия имела недавний печальный опыт Русско-японской войны, когда русский флот оказался предоставленным самому себе на морских просторах. Разработка конвенции давалась с трудом, на ее составление и согласование потребовалось более трех месяцев напряженных прений. В результате удалось достичь

общего согласия на базе действовавшего тогда английского правила о 24-часовой стоянке военных судов в нейтральных портах и оговорен ряд отступлений от этого срока в сторону его увеличения, в частности для погрузки угля и пополнения запасов воды и продовольствия.

Конференция не успела разработать специальный регламент для морской войны и высказала рекомендацию о применении к морской войне принципов, применяемых к сухопутной войне, пока регламент не будет завершен на Третьей Гаагской конференции, намеченной на 1915 год. Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война перечеркнула планы проведения следующей Гаагской мирной конференции.

Предпринятая Россией и ее дипломатией попытка продвинуть на мировой арене принципы мирного разрешения международных противоречий и притормозить набиравшую бешеные обороты гонку вооружений не была напрасной. В своем сообщении в МИД России по итогам конференции глава российской делегации посол А.И.Нелидов отмечал, что интересы Российского государства «получили на Второй Гаагской Конференции полное удовлетворение»⁴. В международном контексте особое значение в преддверии надвигавшейся глобальной катастрофы приобретали результаты конференции, согласовавшие на мировом уровне более гуманные правила ведения военных действий на суше и на море. Конференция внесла весомый вклад в развитие международного права в целом и международного гуманитарного права в частности.

Вторая конференция мира, как ее называли, на самом деле не была в состоянии сохранить мир и предотвратить нараставшую угрозу конфронтации, которая семь лет спустя погрузилачество в пучину мировой бойни. Но ее миротворческий след в истории отразился во многих решениях, оказавших и продолжающих оказывать влияние на международные отношения в мире.

К таким решениям относится создание Постоянной палаты третейского суда, учрежденной в 1899 году и до сих пор действующей в Гааге в качестве международного арбитража для разрешения различных международных споров.

Опыт Гаагских конференций был использован для достижения мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны, создания Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и первой универсальной организации - Лиги Наций. Показательно, что, выступая на Вашингтонской конференции 9 ноября 1921 года, Президент США Уоррен Гардинг напомнил: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами не ново. При этом случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Все-российского. С таким сознанием своего долга Его Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой»⁵.

Под эгидой Лиги Наций в 1920 году была учреждена и действовала в Гааге до начала Второй мировой войны Постоянная палата международного правосудия, на смену которой в 1946 году пришел Международный суд ООН.

В Устав ООН в качестве одной из главных целей созданной после Второй мировой войны универсальной организации вошло разработанное Гаагскими конференциями положение о необходимости проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

В период между двумя мировыми войнами миротворческий «дух Гааги» ощущался в процессе достижения договоренностей в Локарно в 1925 году и последующем создании пакта Бриана - Келлога в 1928 году. Основным документом по результатам многосторонних переговоров в Локарно стал Рейнский пакт, который явился арбитражным соглашением Германии, Франции и Бельгии, предусматривавшим мирное разрешение споров между ними посредством Лиги Наций или международных судов. Пакт гарантировал послевоенные границы в Западной Европе и открыл дорогу в Лигу Наций Германии, которая в 1922 году договором с Советской Россией в Рапалло прорвала

свою международную изоляцию и выходила на мировой уровень, восстанавливая позиции, утраченные после поражения в Первой мировой войне.

«Отцы» пакта - председатель правительства и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан и министр иностранных дел германской Веймарской республики Густав Штреземан получили Нобелевскую премию мира 1926 года. Подтверждая положения договора 1922 года в Рапалло, в том же, 1926 году был заключен Берлинский договор о ненападении и нейтралитете между Советским Союзом и Веймарской республикой.

Соглашения улучшили дипломатический климат в Европе, но недолго. Главный переводчик Штреземана, а затем Гитлера Пауль Шмидт, начавший свою карьеру в Постоянной палате международного правосудия в Гааге и принимавший участие в переговорах в Локарно, свидетельствует в своей книге «Статист на дипломатической сцене 1923-1945», что с приходом в 1933 году к власти в Германии национал-социалистов был немедленно взят курс на отказ от Локарнских соглашений⁶. Окончательно с ними было покончено в 1936 году, когда Германия ввела свои войска в Рейнскую демилитаризованную зону, положив начало военным авантюрам Гитлера.

«Дух Гааги» определял инициативу заключения договора об отказе от войны как орудия национальной политики, с которой французский премьер и министр иностранных дел Аристид Бриан обратился к США. В ответ государственный секретарь США Фрэнк Келлог, поддержав эту идею, предложил договариваться не о двустороннем, а многостороннем соглашении, посредством которого присоединившиеся к нему государства взяли бы на себя обязательство исключить войну из арсенала средств их национальной политики.

Заключение договора, получившего название пакта Бриана - Келлога, стало первым шагом на пути к созданию системы коллективной безопасности в Европе. Ф.Келлог за продвижение мирной инициативы на многосторонний уровень получил Нобелевскую премию мира 1929 года. На Нюрнбергском процессе

после Второй мировой войны нацистским главарям наряду с прочими предъявленными обвинениями было поставлено в вину нарушение пакта, подписанного Германией вместе с другими государствами 27 августа 1928 года в Париже.

Советский Союз ратифицировал соглашение 29 августа 1928 года через два дня после его подписания и выступил инициатором Московского протокола 1929 года о досрочном введении в силу обязательств по пакту⁷. В решении Коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР от 23 августа 1928 года по вопросу предстоящего через несколько дней подписания пакта говорилось: «Заинтересованные в продолжении передышки, мы не должны пренебречь и самой ничтожной гарантией против войны»⁸.

Своего рода «продолжением Гааги» наряду с пактом Бриана - Келлога, объявившего вне закона войну как средство национальной политики, можно считать важнейшие послевоенные многосторонние документы, призванные защитить мир и пресечь попытки разжигания новой войны. Это прежде всего определения Нюрнбергского трибунала преступлений против мира и Устав ООН, который обязывает государства искать разрешения споров между ними мирным путем.

Российская инициатива мира без войн и бессмысленной гонки вооружений, выдвинутая на рубеже XIX и XX веков, намного предвосхитила свое время и продолжает сохранять актуальность и сегодня, в XXI веке, когда на земном шаре вновь множатся конфликты и льется кровь. Взгляд на нее из нашего времени побуждает к размышлениям о том, пришлось бы человечеству познать ужасы мировых войн, если бы Запад прислушался к призыву России.

О том, что российская инициатива не была пропагандистским маневром и вносилась серьезно и со всей ответственностью, свидетельствует немедленное одностороннее введение по итогам Гаагской конференции в 1907 году Наказа Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны, который стал частью Устава российской полевой службы. Наказ обязывал:

«1. Войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тягчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины русской армии.

2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)».

В дальнейшем Советский Союз признал ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации. Российская Федерация, став правопреемницей Советского Союза, приняла на себя обязательство соблюдать Гаагские конвенции в той мере, в какой они не противоречили Уставу ООН и более поздним международным соглашениям, участником которых являлась Россия.

«Дух Гааги» воплотился, однако, не только в документы. Следствием российской инициативы стало превращение Гааги в международный центр мира и правосудия. Здесь под патронажем императора России Николая II и королевы Нидерландов Вильгельмины на средства, пожертвованные американским железнодорожным магнатом и меценатом Эндрю Карнеги, началось в 1907 году возведение величественного Дворца Мира, которое было завершено в 1913 году.

Автору этих строк довелось в юбилейном, 2007 году - в год 100-летия Второй Гаагской конференции - принять участие в качестве представителя Москвы в Международной конференции по дипломатии городов, которая проходила в помещениях Дворца Мира в Гааге. Это были достросные позже современные помещения, но участники имели возможность посетить исторические залы, где внимание привлекала огромная необычайно красивая

Дворец Мира в Гааге

серо-зеленая ваза из яшмы с позолоченным рельефом размером в человеческий рост и весом более трех тонн, установленная на пьедестале из того же камня с дарственной надписью. Ваза была подарена Россией в 1908 году и открыла собой длинный перечень памятных предметов и изделий, презентованных Дворцу Мира и составляющих его уникальную экспозицию. Мне, конечно же, было особенно приятно увидеть среди экспонатов прижизненное издание произведения Л.Н.Толстого «Война и мир», имеющего самое непосредственное отношение к тематике этого уникального международного учреждения.

В настоящее время в историческом гаагском Дворце Мира размещаются Международный суд ООН и Постоянная палата третейского суда, а также крупнейшая библиотека по международному праву. Здесь проходят международные конференции, проводит свои мероприятия Гаагская академия международного права. Деятельность созданного в мае

1993 года и заседавшего в Гааге Международного трибунала по бывшей Югославии существенно подпортила репутацию гаагского правосудия, которое сегодня больше ассоциируется не с великими идеями мира и справедливости, а с преступным предвзятым судилищем, учинившим под эгидой ООН расправу с сербскими патриотами.

Запад в который раз, действуя в угоду своим узко понимаемым геополитическим интересам, добился того, что трибунал в своей работе извратил мандат ООН и вместо справедливого наказания военных преступников, кто бы они ни были, принялся преследовать сербов и выгораживать хорватов и косоваров. Для узников трибунала потребовалось создать тюрьму ООН в Гааге, которая была введена в строй в 1994 году и стала последним пристанищем Президента Союзной Республики Югославия Слободана Милошевича, скончавшегося в ней 11 марта 2006 года при неясных обстоятельствах. Его вину никогда не смогли доказать. В отношении главы независимого суверенного государства были совершены беззаконие, произвол и насилие, что навсегда останется позорной черной строкой в истории гаагского правосудия.

Немало вопросов имеется и в отношении деятельности Международного трибунала по Руанде, учрежденного ООН для судебного преследования ответственных за геноцид в этой стране и соседних государствах в 1994 году. Трибуналы, существуя в течение десятилетий в качестве вспомогательных органов ООН, скорее компрометировали провозглашенные на Гаагских конференциях принципы справедливости и беспристрастного разбирательства, на которых должна была строиться работа международного судебного органа, чем отвечали потребности выявления и наказания виновных.

Не лучше получилось и с Международным уголовным судом, который был изначально востребован мировым сообществом как постоянный независимый международный орган уголовного правосудия. Для его создания Генеральная Ассамблея ООН постановила созвать под своей эгидой в 1998 году Диплома-

тическую конференцию в Риме, открытую для участия всех государств, которая представила Римский статут - правовую основу для постоянного Международного уголовного суда как независимой международной организации, не являющейся частью структуры ООН. И вновь заинтересованные государства не смогли устоять перед соблазном изнасиловать независимость международной организации, в данном случае - Международного уголовного суда, чтобы использовать его в своих политических целях для шельмования противника, которого они видели в России - стране, инициировавшей в Гааге создание международной юрисдикции.

15 ноября 2016 года один из прокуроров Суда по имени Фату Бенсуда выступил с заявлением, которым приравнял возвращение Крыма по воле 95% его граждан в состав Российской Федерации к вооруженному конфликту. Заявление прозвучало более чем два с половиной года спустя после подписания 18 марта 2014 года договора о вхождении Республики Крым в состав Российской Федерации. 16 ноября 2016 года, на следующий день после скандального заявления, наглядно продемонстрировавшего цену современного «гаагского правосудия», Президент Российской Федерации В.В.Путин подписал распоряжение о выходе России из Римского статута - скомпрометировавшего себя Международного уголовного суда.

Приходится признать, что 110-я годовщина Второй Гаагской мирной конференции отмечается в сложное и тревожное время, когда интересы мира вновь требуют защиты перед лицом надвигающейся угрозы глобальной конфронтации. Ситуация во многом повторяется, напоминая существовавшую на рубеже прошлых столетий, когда мир стоял на пороге Первой мировой войны, которую не дали предотвратить эгоизм, алчность и стремление основных держав урвать свой кусок во что бы то ни стало.

В истории российской мирной инициативы конца XIX века и последовавших за ней Гаагских конференций содержится важный урок, забвение которого в эру ядерных вооружений может привести к гибели человечества и жизни на Земле. Этот урок за-

ключается в императиве договариваться даже по самым сложным вопросам, а не заниматься разного рода бреднями на тему - кто победит в третьей мировой войне.

Ответ на это давно найден и научно обоснован. Он заключается в том, что не победит никто, никогда и ни при каких условиях. Химерой является надежда, что можно обмануть, переиграть противника и в результате выжить самому, уничтожив его. Поэтому, в отличие от Гаагских конференций, когда еще можно было выбрать мир или войну, хотя последняя уже оборачивалась многомилюонными жертвами и страшными разрушениями, сейчас такого выбора не существует, он уступил место альтернативе жить вместе или умереть вместе. Очевидно, что предпочтительнее первое.

¹См.: Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартенс, юрист, дипломат. М., 1999.

²См.: Кретинин С.В. Карл Каутский, 1854-1914 гг. Воронеж, 2007.

³См.: Дипломатия России: от Посольского приказа до наших дней / Историко-документальный департамент МИД России. Информационно-справочные материалы. О Второй Гаагской конференции мира // http://www.idd.mid.ru/inf/inf_40.html

⁴Там же.

⁵Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 107-108.

⁶См.: Schmidt Paul. Statist auf diplomatischer Bühne 1923-45: Erlebnisse des Chef Dolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Häufige Drucke, z. B. 14. Aufl., 162.-164. Tsd., Aula-Verlag, Wiesbaden 1986, u. a. Verlage, zuletzt EVA, München 2005, ISBN 3-434-50591-1.

⁷См.: Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Париж, 27 августа 1928 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1930. Вып. V. С. 5-8; Протокол о введении в действие Парижского договора от 27 августа 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Москва, 9 февраля 1929 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1930. Вып. V. С. 8-10.

⁸Цит. по: Гусева А.Ю. К 75-летию подписания пакта Бриана - Келлога // Дипломатический вестник. 2003. №8.